

ОТКЛИКИ ЖИЗНИ

Издание Группы
Социалистов-Революционеров
(Выходит два раза в мѣсяц)

Адресъ Редакціи:
Redaction de «L'Echo de la Vie»
19, rue Daguerre, Paris.

ТАНЕЦЪ ОТЪ ПЕЧКИ

Въ связи съ приближеніемъ открытія Г. Думы и „выступленій лѣваго блока“ пошло по *восходящей линіи* и настроеніе социаль-патріотовъ: принялись они гадать, что будетъ, если... будетъ, и чего не будетъ, если... не будетъ.

Легкокрылая надежда робко подсказываетъ: можетъ случиться, что, умудренная опытомъ, „Г. Дума — Дума третьяго іюня — въ настоящихъ условіяхъ будетъ играть *революціонную и революціонизирующую* роль“; тогда конечно, „революціонная демократія должна энергично поддержать выступленія лѣваго блока“.

Но на смѣну надеждѣ приходитъ скепсисъ въ образѣ „мудраго змія“ и ставитъ предательскій вопросъ: пу, а если этого не будетъ — что тогда? Тогда „Г. Дума перестанетъ играть какую либо роль въ настоящемъ общественномъ движеніи... И въ такомъ случаѣ общественное движеніе пойдетъ мимо нея и черезъ нее“...

Не смотря на тягу къ „реальной политикѣ“, мы никакъ не можемъ не только оцѣнить, но и просто уразумѣть смыслъ этой двойной бухгалтеріи.

Одно изъ двухъ: или Г. Дума — а въ частности „лѣвый блокъ“ — есть *уже* такая реальная общественная сила, съ которой надо серьезно считаться: и тогда „мимо нея“, а тѣмъ болѣе „черезъ нее“, никакъ не пойдешь; или же она — Дума третьяго іюня — никогда такую силой не была и не будетъ: и тогда давно уже надо было итти „мимо нея и черезъ нее“.

Мы полагаемъ — и объ этомъ свидѣлствуетъ вся печальная исторія третьяго іюньской Думы вплоть до нынѣшняго дня, — что „силой“ она не можетъ быть и что придать ей силу можетъ *только* демократическая, трудовая Россія и *только* тогда, когда сама станетъ организованною силой. Но въ тотъ великій день, когда это случится, зачѣмъ собственно понадобится трудовой Россіи поддерживать Думу — третьяго іюньскую Думу?...

* * *

Сессія Думы открылась — торжественно, въ присутствіи „высокаго гостя“ и „лѣвый“ блокъ вновь повторилъ тѣ требованія, которыя привели въ сентябрѣ къ закрытію нашего отечественнаго парламента.

Этотъ фактъ съ энтузіазмомъ подчеркиваютъ авторы двухъ передовицъ „Призыва“: одинъ, просто пишетъ: „буржуазная оппозиція не поддалась на дешевую приманку — это служить свидѣтельствомъ, что она сдѣлала шагъ впередъ“; другой, тѣ поспѣлѣе, исполневъ ликованья и восклицаетъ: „Прошли тѣ патріархальныя времена, когда улыбка начальства заставляла русскій либерализмъ таять отъ умиленья и отказываться отъ насущныхъ требованій. Декларация національно-прогрессивнаго блока снова прозвучала и въ Думѣ и въ Совѣтѣ, какъ голосъ *твердой, закаленной* испытаніями по-

литической *воли*“. И затѣмъ, напомнивши забывчивому читателю, что „Россія наканунѣ великихъ событій“, и, выбранивши мимоходомъ всѣхъ несогласномыслящихъ „жалкими доктринерами и выдохшими революціонерами“, бросаетъ кличъ: „Живая Россія освобождается и *иззоветъ* къ себѣ всѣхъ живыхъ!“...

Твердая, закаленная политическая воля... русскаго либерализма... Простите. Это — плодъ нервничанья, непростительнаго забвенія исторіи, очень недавней, и политической логики, элементарно обязательной.

Во первыхъ, русскій либерализмъ является лишь составною — и притомъ не преобладающею — частью національно-прогрессивнаго блока; во вторыхъ, русскій либерализмъ уже давно проявляетъ *словесно* свою политическую волю; а въ третьихъ — и это важнѣе всего — степень „твердости и закаленности“ русскаго либерализма всегда опредѣлялась степенью „общенациональнаго подъема“.

„Мы должны знать и помнить, что Россія — наканунѣ большихъ событій“, сказано въ „Призывѣ“.

Знаемъ. И помнимъ. Но причѣмъ тутъ русскій либерализмъ и, въ частности, блокъ? Дума? Отъ кого, собственно, надо ждать „большихъ событій“? Отъ „демократической“, „трудовой Россіи“ — не правда ли?

Зачѣмъ же подкатывать ее, въ качествѣ фундамента, подъ русскій либерализмъ? Зачѣмъ его *фигитивную* силу дѣлать собственными руками силою *реальной*?

Или вѣра социаль-патріотовъ въ политическое творчество трудовой Россіи слабѣе вѣры въ политическое жонглирование русскаго либерализма? Или танецъ отъ печки отъ — Г. Думы — является неизбѣжнымъ атрибутомъ ихъ не „жалкой“ нѣтъ, а пышной доктрины?

Не понимаемъ. Объясните. Научите — „волхвы“ не „изъ Парижа“, а изъ „Призыва“!...

ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМЪ И ВОЙНА ВЪ ОСВѢЩЕНІИ ЖАНА ЖОРЕСА

C'est dans l'Internationale que l'indépendance des nations est plus haute garantie; c'est dans les nations indépendantes que l'Internationale a ses organes les plus puissants et les plus nobles.

Jean Jaurés

Хорошо извѣстно, что Жоресъ всей душой желалъ сохранения мира, считая его необходимымъ условіемъ прогресса вообще и развитія социалистическаго движенія въ частности. Отдавшись за послѣдніе годы борьбѣ за миръ, онъ призвалъ къ ней демократію, особливо сознательные элементы пролетаріата.

Въ отличіе отъ многихъ другихъ вождей междунаро-го социализма, Жоресъ не прикрашивалъ дѣйствительности, не проповѣдывалъ „насъ возвышающаго обмана“, а со своимъ ему реализмомъ указывалъ, сколь велики силы реакціи, могущей создать міровой пожаръ, и сколь еще слаба армія труда, которой предстоитъ серьезная и отвѣтственная задача борьбы за сохраненіе международнаго мира.

Въ отличіе отъ германскихъ социалистовъ и ихъ „спутниковъ“ онъ предупреждалъ: „Не со всякой бурей можетъ покончить протестъ рабочаго класса“, ибо въ протестѣ этомъ „мы не слышимъ еще прекраснаго Fulgur a frango“. *) Въ частности Жоресъ указывалъ на *политическую* слабость гордой и самовлюбленной германской социалистической партіи. Онъ предупреждалъ объ этомъ, тѣмъ болѣе, что создалъ трудность борьбы за миръ, могущей потребовать самыхъ рѣшительныхъ средствъ вплоть до вооруженнаго возстанія и всеобщей международной стачки. Смѣло смотря въ глаза холодной дѣйствительности, Жоресъ предвидѣлъ возможность всеевропейской войны и заранѣе ставилъ себя вопросомъ, какова должна быть позиція социалистовъ, если они, не смотря на всѣ свои усилія — дѣйствительныя, а не словесныя — не смогутъ помѣшать войнѣ.

И, рѣшая его, онъ считалъ нужнымъ дѣлать различіе между стороною, *провоцирующей* войну, и стороною, которою война *навязана*. Указывалъ Жоресъ и критерій, позволяющій опредѣлить это. „Провокаторомъ“ войны будетъ та сторона, которая откажется отъ разрѣшенія спора путемъ международнаго арбитража. Въ зависимости отъ того, кто *дѣйствительно* нападаетъ и кто *дѣйствительно* всего

*) И разбиваю молніи.

КОСМОПОЛИТИЗМЪ И ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМЪ

Январская книжка „Русскихъ Записокъ“ читается на-расхватъ. Въ ней есть двѣ „боевыя“ статьи: статья Батрака, „Социалисты и война“, и статья А. В. Пѣшехова „Отечество и Человѣчество“. Обѣ онѣ въ высшей степени интересны. Но обѣ же оставляютъ на душѣ чувство досадливой неудовлетворенности — чувство законное, но не-справедливое.

Оно законно — ибо каждому изъ насъ страстно хочется имѣть полный, всеисчерпывающій отвѣтъ на поставленную жизнью проблему о взаимоотношеніяхъ — фактическихъ и желательныхъ или должныхъ — между „отечествомъ“ и „человѣчествомъ“; а статьи Батрака и Пѣшехова такого отвѣта не даютъ.

Но въ то же время оно и несправедливо, ибо всегда было трудно примирить идею отечества съ идеей человѣчества; сугубо трудно дѣлать это сейчасъ, въ эпоху острыхъ переживаній, когда слово принадлежитъ не „холодному“ разуму и здоровому чувству, а безразсудству, страстямъ, бушующей стихіи и... пушкамъ.

Да. Трудно. А всетаки пытаются. И слава Богу, что пытаются. Иначе оставалось бы одно: оброси шерстью и побѣждать нѣ четверенькахъ, что многіе уже сдѣлали — надо думать, во славу „отечества“, „прогресса“ и... „человѣчества“.

лишь защищается, будетъ находиться и различіе долга пролетаріевъ и социалистовъ вступившихъ въ конфликтъ сторонъ, не смотря на то, что *до войны* у всѣхъ была одна и таже задача. Пролетаріи и социалисты *агрессивной* страны обязаны мѣшать своему правительству путемъ парламентской борьбы, стачки, даже вооруженнаго возстанія. Напротивъ, социалисты страны, старавшейся избѣгнуть войны и *дѣлавшей все* для мирнаго разрѣшенія конфликта, обязаны стать „на защиту отечества“, *разъ оно подверглось грубой несправедливости и насилію*.

Жоресъ заявлялъ объ этомъ открыто, безъ обиняковъ, оставаясь вѣренъ себѣ.

Будучи поборникомъ мира, Жоресъ однако хотѣлъ, чтобъ это былъ миръ справедливый — не оскорбляющій національной *чести*, не приносящій ущерба національной *свободѣ* той или иной страны. Позорному же миру онъ предпочиталъ войну.

Цѣня выше всего свободу, Жоресъ не могъ мириться съ миромъ въ рабствѣ, такъ какъ считалъ свободу націи не менѣе цѣнной и священной, чѣмъ свободу личности. И въ этомъ смыслѣ догматической лозунгъ „у пролетарія нѣтъ отечества“ ему всегда казался ошибочнымъ, опаснымъ.

Исходя изъ этихъ положеній, Жоресъ смотрѣлъ на армію — *демократическую*, „*armée populaire*“, *армію-народъ* — какъ на *защитный аппаратъ*, способный въ минуту опасности оградить націю отъ агрессивныхъ притязаній насильника.

Вотъ почему онъ считалъ, что организація національной защиты въ томъ видѣ, какъ ее онъ представлялъ себѣ, и организація международнаго мира тѣсно связаны другъ съ другомъ.

Итакъ: въ чемъ же попытка Батрака?

Его, какъ социалиста, больше и прежде всего занимаетъ вопросъ о тѣхъ противорѣчіяхъ въ социалистической теоріи и практикѣ, которыя такъ ярко вскрыла эта война.

«Теперь — пишетъ онъ — социалисты съ особымъ рвеніемъ служатъ національному Богу, хотя и дѣлаютъ видъ, что все это необходимо для Бога интернациональнаго. Но это только привычная словесность: національному мы приносимъ кровавыя жертвы, а интернациональному одни лишь пышные обряды.»

Почему же такъ случилось? И кто въ этомъ виновать? Тутъ не вина, а *бѣда*, бѣда, которая въ большей или меньшей степени постигла социалистовъ *всѣхъ* странъ — такъ думаетъ Батракъ и, чтобы пояснить мысль свою примѣромъ, указываетъ на Германію:

«Вся германская социаль-демократія, пишетъ онъ, — можетъ быть, помимо своей воли и желанія — *почувствовала*, что интересы „отечества“ ей дороже и ближе интересовъ „человѣчества“. Въ критическій моментъ девяносто девять процентовъ почувствовали, что они *прежде всего* нѣмцы и что ихъ родному гнѣзду угрожаетъ страшная опасность. Явилась *стихийная* потребность это гнѣздо защитить, *независимо отъ того, по чьей винѣ оно подверглось опасности*».

Итакъ, какъ будто ясно, въ чемъ „бѣда“, которая встряслась надъ социалистами всѣхъ странъ: она — въ „наслѣдіи прошлаго“, въ крайне живучемъ національномъ чувствѣ въ „стихийной“ любви къ родивѣ.

Дальше однако къ „бѣдѣ“ присовокупляется и самая подлинная „вина“ — вина признанной большинствомъ социалистовъ теоріи; Батраку кажется, что до тѣхъ поръ,

Изложенная здѣсь позиція Жореса *) обвѣянная пафосомъ свободы, проникнутая строгимъ реализмомъ и въ то же время возвышеннымъ идеализмомъ, чужда, конечно, всякаго шовинизма, національной исключительности и, что важнѣе всего, *національно-пролетарскаго империализма*. Она, повторяю, носить чисто защитный характеръ, она не только не противорѣчитъ, но и прямо вытекаетъ изъ правильно понимаемой реалистической концепціи идеи международной, интернациональной солидарности. Она, наконецъ, *не имѣетъ ничего общаго съ идеализацией войны, какъ средства осуществленія демократическаго и социалистическаго идеала*.

Пророкомъ трудно быть даже и не въ своемъ отечествѣ. Но, исходя изъ развитыхъ здѣсь положеній, можно почти съ увѣренностью сказать, что позиція Жореса сейчасъ, будь онъ живъ, значительно разнилась бы отъ позиціи его учениковъ и эпигоновъ. Онъ прежде всего не забывалъ бы ни на минуту, что социалистамъ надо готовиться къ борьбѣ съ „внутреннимъ врагомъ“ какъ въ интересахъ *справедливаго* мира, такъ и въ цѣляхъ удержанія демократическихъ позицій. Отличалось бы несомнѣнно и отношеніе Жореса къ социалистамъ центральныхъ имперій и къ вопросу о возрожденіи Интернационала: реалистъ Жоресъ помнилъ бы не только объ „организации защиты“, но и объ организации мира, а потому жестоко боролся бы съ тѣмъ опаснымъ и печальнымъ явленіемъ, развернувшимся на фонѣ нынѣшней войны, имя которому „милитаризация психологии“.

Не смотря на глубокое право сказать о себѣ —

Чтобъ отчина не знала цѣней.

Не жалѣлъ я и жизни своей —

*) Она полностью отразилась въ его «Идеѣ мира» и «Atmósphere».

„пока отечество будетъ имѣть въ глазахъ социалистовъ признанную теперешней теоріей цѣнность“ — они „вынуждены будутъ поступать такъ“, какъ поступаютъ сейчасъ.

Гдѣ же выхедъ? У Батрака онъ простой, элементарный: одно изъ двухъ — либо національное, либо интернациональное.

«Средняго пути, быть не можетъ, говорить онъ.

«Социалистическій идеалъ находится въ серьезномъ противорѣчии съ наслѣдіемъ прошлаго... Если социализмъ не утопія, то его развитіе неизбежно должно сопровождаться *отмираниемъ* чувствъ и интересовъ національных и соотвѣтствующимъ ростомъ чувствъ и интересовъ общечеловѣческихъ».

Я отмѣтилъ и основную мысль и основную аргументацію Батрака: все остальное въ его статьѣ аксессуарно.

Правдиво, безъ экивоковъ — а это сейчасъ такъ пріятно поражаетъ — написана его статья: въ ней чувствуется тревога ищущей, серьезно взволнованной мысли. Но это, къ сожалѣнію, не устраняетъ основного недочета ея — примитивизма, симплицизма, бьющихъ чуть ли не изъ каждой строки его статьи.

Правильно констатируя факты, онъ дѣлаетъ изъ нихъ совершенно неправильные выводы. Въ сложномъ переплетѣ условий, создавшихъ войну и опредѣлившихъ отношеніе къ ней социалистовъ, онъ видитъ лишь столкновение двухъ началъ — „добраго“, интернациональнаго, и „злого“, національнаго. Гипертрофированное, болѣзненное а то и просто фальсифицированное, „національное чувство“ онъ уподобляетъ естественному стремленію народовъ къ свободному національ-

Жоресъ сумѣлъ бы остаться великимъ французомъ великимъ естествоиспытателемъ, великимъ социалистомъ.

И несомнѣнно оправдались бы слова Ромэнъ-Роллана, полагающаго, что „твердое выполненіе патріотическаго долга не помѣшало бы Жоресу сохранить свой человѣчскій идеалъ и, въ качествѣ бодрствующаго стража, выжидать возможности возстановленія порваннаго единства“...

А. Ф-ръ.

ВОСТОЧНЫЙ ВОПРОСЪ И ВОЙНА

I. Турція

Mahomed V — «Vaincre ou mourir!»

Guillaume II — «Je vaincrai—tu mourras!»

(Изъ итальянской карикатуры).

Какъ античную Грецію, такъ и современную Европу, борьба за гегемонію подѣлила на два лагеря, и Турція оказалась въ лагерѣ центральныхъ имперій.

Турція — военная имперія, созданная сравнительно немногочисленными завоевателями на развалинахъ побѣжденных ими государствъ. Пока удача сопровождала оттоманское оружіе — росла и мощь имперіи, но съ первыми же пораженіями она стала распадаться на составныя части: — война создала ее, война и погубила. Въ какомъ же положеніи находится *Азіатская* Турція и не грозитъ ли ей участь, постигшая Европейскую. Причины, приведшія къ разложенію Европейскую Турцію, существуютъ и для Азіатской. Какъ тамъ, такъ и здѣсь, турки, раса завоевателей,

норму самоопредѣленію, рассматривая это стремленіе, какъ „бѣду“ социалистической практики и какъ „вину“ социалистической теоріи. Красочную, высокочеловѣчную идею *интернационализма* онъ все время, совсѣмъ не замѣчая этого, подмѣняетъ плоскою, бездушною идеей всенивеллирующаго *космополитизма*. Все содержаніе великой трагедіи, обрушившейся на социализмъ, онъ сводитъ къ ошибкамъ „теоріи“, якобы тщетно пытающейся примирить непримиримое — „наслѣдіе прошлаго“ съ перспективами будущаго; и потому приходитъ къ альтернативѣ — либо социализмъ, либо національное самоопредѣленіе, считая, что ростъ перваго можетъ совершаться не иначе, какъ за счетъ „отмирания“ тенденцій ко второму. Национальное и интернациональное для него — взаимоисключающая антитеза. А между тѣмъ, повторяю, если „націонализмъ“ есть „тезисъ“, то исключаящимъ его „антитезисомъ“ нужно считать не „интернационализмъ“, а *космополитизмъ*, отчеканенный когда-то давно, на зарѣ социалистическаго движенія, въ формулу: „у пролетаріевъ нѣтъ отечества“. *Интернационализмъ* же есть *высшій синтезъ*, въ которомъ растворяются и примиряются противорѣчія...

* * *

А. В. Пѣшеховъ полемизируетъ съ Батракомъ. Статья его написана съ подъемомъ, съ настроеніемъ. Но и онъ — опять таки къ сожалѣнію — не свободенъ въ аргументаціи своей и отъ симплицизма и отъ нѣкоторой расплывчивости, неопредѣленности.

«Съ самаго начала войны — говоритъ Пѣшеховъ — я никакъ не могу отдѣлаться отъ одного образа. Мнѣ

находятся въ меньшинствѣ среди покоренныхъ ими народовъ, — повсюду за исключеніемъ, быть можетъ, собственно Малой Азіи, которой, возможно выпадетъ доля быть послѣднимъ оплотомъ турецкаго государства какъ культурно-національнаго цѣлаго. И нѣтъ ничего невѣроятнаго, что лишенное своихъ завоеваній и предоставленное самому себѣ, оно сможетъ захватить интенсивной и самобытной культурой. До сихъ поръ же распаденію Азіатской Турціи главнымъ образомъ мѣшала общность религіи завоевателей и большинства завоеванныхъ. Но примѣръ Албаніи ясно показалъ, что, въ концѣ концовъ, религиозное самосознаніе уступаетъ мѣсто національному. Моментъ, когда и въ Азіи первое уступить второму, будетъ концомъ существованія турецкой азіатской имперіи.

Что же привело Турцію къ участию въ обще-европейской войнѣ? Прежде всего, конечно, фактическая наличность военной диктатуры. Затѣмъ ненависть къ Россіи. Россія — это вѣчно счастливый соперникъ, положившій конецъ славному и долгому могуществу оттомановъ, и въ данномъ случаѣ національный антагонизмъ толкнулъ разрушающуюся имперію на такой рискованный шагъ, какъ война. Прибавьте сюда мечты о пантюркизмѣ, долженствующемъ объединить всѣ народы турецкой расы и турецкаго языка, и станеть понятнымъ почему Турція напала на Россію. Но, кромѣ „національной идеи“ есть еще другая, заставившая Турцію стать на сторону Германіи: Турція какъ никакъ, является чемпиономъ ислама, наследницей халифата. Правда, въ глазахъ законныхъ наследниковъ его, — арабовъ, она въ этомъ вопросѣ всегда являлась узурпаторомъ; но узурпаторъ или нѣтъ — всетаки фактически носителемъ идеи ислама была она и какъ таковая, не рискуя потерей престижа въ глазахъ всего мусульманскаго міра, она не могла оставаться

равнодушной свидѣтельницей захвата невѣрными такихъ исконныхъ земель пророка, какъ Марокко и Египетъ, въ особенности послѣдней. Отсюда антагонизмъ къ Англии и отчасти къ Франціи. Нечего и говорить, что всѣ эти тенденціи германская дипломатія использовала во всю.

Какій же можетъ быть для Турціи результатъ борьбы? Конечно, только отрицательный. Технически она является страной слишкомъ отсталой, даже по сравненію съ Россіей и совершенно лишенной желѣзныхъ дорогъ въ районѣ военныхъ дѣйствій. Къ тому же Турція имѣетъ слишкомъ обширныя границы, и одновременно защищать ихъ для такого слабаго государства — задача непосильная. Въ особенности безнадежна защита совершенно открытыхъ малоазіатскихъ и сирійскаго побережій, не говоря уже о побережьяхъ персидскаго залива.

Три послѣдовательныхъ и разорительныхъ войны въ значительной степени истощили и безъ того не очень многочисленный боевой резервъ Турціи, а систематическія и жестокаго преслѣдованія армянъ создали внутри самой имперіи непримиримыхъ враговъ. Наконецъ, кровавая борьба партій внесла глубокой расколъ и въ само турецкое населеніе.

Ожидать благополучнаго конца при такихъ условіяхъ нельзя, и пораженіе почти неизбежно; а пораженіе — это начало разложенія Азіатской Турціи, полная потеря ею независимости.

Правда, участь ея, по всей вѣроятности, рѣшится не въ горахъ Арменіи и не въ Месопотаміи, а на европейскомъ театрѣ войны. Но... побѣда союзниковъ будетъ знаменовать собою раздѣлъ и распаденіе Турціи, побѣда Германіи — ея полную зависимость отъ послѣдней. Оба эти исхода врядъ ли дадутъ что-нибудь въ смыслѣ „освобожденія угнетенныхъ народовъ“. Въ лучшемъ случаѣ народы эти лишь переимѣнятъ

все представляется, что мы идемъ по острому гребню горы съ крутыми, обрывистыми скатами, — и въ обѣ стороны передъ нами открываются величественныя виды...

«Съ одной стороны у насъ — «отечество», надъ созданіемъ котораго такъ долго, и упорно, а нерѣдко и самоотверженно, трудились наши предки. Съ другой передъ нами открывается видъ еще болѣе величественный — «человѣчество», надъ объединеніемъ и устроеніемъ котораго, несомнѣнно, такъ же упорно, а можетъ быть и такъ же самоотверженно будутъ работать наши потомки».

Хорошо было „предкамъ“. Еще лучше будетъ „потомкамъ“. Ну, а каково же положеніе насъ, современниковъ Пѣшехова, очутившихся, волею историческихъ судебъ, „на остромъ гребнѣ“?

Положеніе трудное, и, благодаря этому, „далеко не всѣ оказались въ состояніи сохранить „равновѣсіе“».

«Одни — продолжаетъ Пѣшеховъ — и такихъ несомнѣнно большинство, увлеченные мыслью объ отечествѣ, совсѣмъ почти забыли про человѣчество, другіе, наоборотъ, опасаясь упустить изъ вида человѣчество, повернулись чуть ли не спиной къ отечеству. И въ результатѣ многие, уже покатались подъ гору, одни — въ одну сторону, другіе — въ другую. Нѣкоторые уже скатились до націонализма и завязли въ этой трясины; другіе опустили до космополитизма и блуждаютъ по этой пустынѣ. Еще больше такихъ, которые лѣпятся теперь по обрывистымъ склонамъ, нерѣдко въ самыхъ уродливыхъ позахъ“...

Образъ яркій, красиво возсоздающій и положеніе вещей и ту задачу, которую жизнь поставила передъ социализмомъ — задачу не только удержаться, но и стоять твердо, не теряя равновѣсія, не испытывая головокруженія, на „остромъ гребнѣ“.

Батракъ, какъ мы видѣли, не удержался, „омутился до космополитизма“. И Пѣшеховъ отмѣчаетъ существо его ошибки слѣдующими словами:

«Не на почвѣ космополитизма, а на почвѣ интернаціонализма можетъ быть разрѣшена проблема объединенія человѣчества... Интернаціональное, не только по словопроизводству, но и по существу включаетъ въ себя національное, а не исключаетъ. И намъ, поскольку рѣчь идетъ о будущемъ, не выбирать нужно между отечествомъ, и человѣчествомъ, а совмѣстить ихъ въ своихъ мысляхъ, чувствахъ и дѣйствіяхъ»...

Ну, а самъ Пѣшеховъ „удержался“ — никуда не „скатывается“, никуда не „опускается“?

Вотъ ужъ давно слѣдимъ мы внимательно за статьями этого крупнаго публициста, посвященными злободневнымъ вопросамъ, и должны сказать — не въ укоръ, не въ порицаніе, а по справедливости, стоитъ, держится, но... покачивается, вотъ-вотъ, кажется, сорвется съ „остраго гребня“. И какую великую радость доставляютъ эти покачивания нашимъ социаль-патріотамъ, которые ждутъ не дождутся, когда же, наконецъ, „скатится“ онъ въ „трясину націонализма“! И, въ частности, какимъ великимъ соблазномъ являются для нихъ нѣкоторые пассажи въ послѣдней статьѣ Пѣшехова — особенно, если читать ее, надышавшись предварительно и въ волю ароматомъ статей Г. Алексинскаго и былиннаго „богатыря“ В. Буслаева, перекочевавшего нынѣ изъ мрака временъ на страницы „Призыва“!

Въ самомъ дѣлѣ. Полемизируя съ Батракомъ, Пѣшеховъ то и дѣло прибѣгаетъ къ упрощенной — слишкомъ упрощенной! — аргументаціи, не то для бодшей наглядно-

господина: — „хоть гирше, та инше“ останется единствен-
нымъ утѣшеніемъ для многихъ изъ нихъ.

Саркисъ

ВОЙНА И РЕАКЦІЯ

(Письмо изъ Англии)

Въ исторіи человѣчества встрѣчается немного войнъ, которыя не вели бы къ политической реакціи. Война прежде всего требуетъ сильной централизованной власти, а такая власть всегда склонна къ расширенію своихъ прерогативъ и суженію чужихъ.

Посмотрите, что дѣлается въ Англии, странѣ такъ долго считавшейся образцомъ передовой демократіи, совершеннаго парламентаризма и почти безграничной гражданской свободы!

Вотъ передъ нами знаменитый Munitions act проведенный въ юнѣ 1915 г. не менѣе знаменитымъ министромъ, такъ недавно еще крайне популярнымъ въ рядахъ демократіи, Ллойдъ-Джоржемъ.

Радикальный министръ вызвавшій въ 1909-11 г. чуть ли не революцію справа своими финансовыми и социальными реформами, теперь сталъ сторонникомъ сильной централизованной власти, конскрипціи и репрессіи противъ рабочихъ, смѣющихъ отстаивать въ годину народнаго бѣдствія свои несчастные гроши. По закону юня 1915 г. въ предприятияхъ

подчиненныхъ его дѣйствию (таковыхъ въ данный моментъ считается свыше 3.000 съ 2 милліонами рабочихъ) рабочіе лишаются права стачекъ и обязаны улаживать свои разногласія съ предпринимателями, путемъ принудительнаго арбитража.

Рабочіе, нарушающіе это распоряженіе подвергаются штрафу до 5 фунтовъ за каждый день забастовки, въ случаѣ неуплаты штрафа заключаются въ тюрьму. Законъ также запрещаетъ переходъ по собственному желанію съ одной фабрики на другую. Желаящіе перемѣнить свое мѣсто или занятіе должны испрашивать на то разрѣшеніе у специальныхъ трибуналовъ. Munitions act одновременно съ тѣмъ въ предприятияхъ изготовляющихъ амуницію отмѣнилъ цѣлый рядъ такъ назыв. „правиль“ тредъюнионовъ, регулирующихъ степень интенсивности труда, примѣненіе женскаго и необученнаго труда и проч. „Правила“ эти являются своего рода фабричной конституціей англійскаго пролетаріата, были созданы имъ въ 100-лѣтней тяжелой борьбѣ и теперь отняты у него во имя „интересовъ отечества“. Правда, правительствомъ обѣщано рабочимъ возстановить отмѣненные правила полностью по окончаніи войны. Но даже при всемъ добромъ желаніи это не такъ то легко будетъ сдѣлать, ибо многочисленныя нововведенія, вызванныя въ англійской индустріи потребностями войны дѣлаютъ возвратъ къ старымъ условіямъ почти что невозможнымъ.

Среди рабочихъ Munitions act вызвалъ и продолжаетъ вызывать до сихъ поръ сильное недовольство и на почвѣ его примѣненія возникаетъ цѣлый рядъ острыхъ конфликтовъ и недорозумѣній. До сихъ поръ насчитывается до 600 случаевъ осужденія рабочихъ за участіе въ „незаконныхъ“ стачкахъ. Особенно сильное раздраженіе этотъ актъ вызываетъ среди рабочихъ на Кляйдѣ (Глазго), гдѣ рабочіе отличаются

сти ея, не то съ цѣлью побить противника его же оружіемъ, симплицизмомъ.

Войну, напримѣръ, онъ уподобляетъ пожару, а „когда пожаръ возникъ, то это — говоритъ онъ — прежде всего общая бѣда и ужъ потомъ, быть можетъ, чья то спекуляція“. Отсюда — какъ будто оправданіе „union sacrée“ и позиціи...соціалъ-патріотовъ.

Или другое. Войну двухъ народовъ онъ уподобляетъ дракѣ между двумя рабочими и не безъ ехидства, ставитъ, Батраку въ упоръ вопросъ: что станете вы дѣлать, если другой рабочий „ударитъ васъ по уху“? Конечно, „дадите обидчику сдачи, а если этого мало, то вступите съ нимъ въ драку и въ случаѣ надобности даже собьете съ ногъ и скрутите ему руки“. И затѣмъ, какъ бы опасаясь, что Батракъ, увѣровавши въ аргументацію Пѣшехова, впадетъ въ ражъ — наставительно прибавляетъ: „Но вы, конечно, не впадете въ ярость, не станете избивать человѣка и тѣмъ болѣе уродовать его; напротивъ, помня, что драка — безобразіе, употребите всѣ мѣры, чтобы она поскорѣе кончилась“.

Отсюда опять-таки какъ будто выводъ: бей, скажемъ, нѣнца, „ударившаго тебя по уху“, но... не до безчувствія, а по совѣсти. И т. д. все въ томъ же упрощенно-вазидательномъ духѣ.

Но Пѣшеховъ есть Пѣшеховъ: онъ и сейчасъ, по обыкновенію, идетъ своею собственной, нѣсколько извилистой тропой, которая лежитъ на „гребнѣ“. И потому, нѣтъ ничего удивительнаго, что, пройдѣвши рядъ зигзаговъ, онъ

заключаетъ свою статью слѣдующимъ аккордомъ: „Самая важная и неотложная работа для человечества, быть можетъ лежитъ теперь внутри каждой отдельной страны. По отношенію къ Россіи это можно утверждать съ особою увѣренностью. Съ еще большимъ правомъ можно сказать, что самая важная и неотложная задача отечества, даже съ точки зрѣнія внешней его защиты, заключается для насъ во внутреннемъ его устроеніи. Работа для человечества и отечества и въ данный моментъ для насъ, въ сущности совпадаетъ“.

Этотъ лозунгъ не имѣетъ ничего общаго съ лозунгомъ соціалъ-патріотовъ: въ свѣтѣ такого лозунга центральною, основною задачей сейчасъ у насъ является не „защита отечества“, а „внутреннее его устроеніе“, безъ котораго нелѣпо и мечтать о „сколько-нибудь замѣтномъ содѣйствіи за защитѣ родины“...

В. Дикій.

большей сознательностью и революционнымъ темпераментомъ. Здѣсь на Рождествѣ минувшаго года Ллойдъ Джорджъ пришлось пережить нѣсколько неприятныхъ минутъ и услышать немало горькихъ истинъ. Министръ аммуницій явился на Кляйдъ, гдѣ передъ этимъ былъ организованъ цѣлый рядъ стачекъ, для увѣщаванія рабочихъ и воздѣйствія на нихъ призывами къ ихъ патриотизму, лояльности и самопожертвованію. Но Ллойдъ Джорджъ выбралъ плохой моментъ. Рабочіе были настроены крайне революціонно, не желали слушать его рѣчей, засыпали его негодующими взглядами и упреками, такъ что министру ничего больше не оставалось дѣлать, какъ вернуться въ Лондонъ, не достигнувши никакихъ результатовъ.

Впрочемъ, результаты были... Соціалистическая газета *Forward*, напечатывая полный отчетъ о бурномъ собраніи рабочихъ въ присутствіи министра аммуницій, была закрыта.

За *Forward* омъ послѣдовалъ вышедшій ему на смѣну „*Worker and Vanguard*“, шотландскій органъ соціалистической партіи.

Репрессіи сыпятся не на одну только періодическую прессу. Въ августѣ 1915 г. англійская полиція сдѣлала „набѣгъ“ какъ выражались англійскія газеты, т. е. просто обыскъ, въ правленіи Независимой Рабочей Партіи (въ Лондонѣ). Здѣсь ею были конфискованы цѣлый рядъ книгъ, брошюръ и памфлетовъ, изъ которыхъ судъ призналъ 23 „ядовитыми“ (*poison*) и подвергнулъ ихъ уничтоженію.

Что касается свободнаго слова, то съ нимъ расправляются двояко. Судъ судитъ и осуждаетъ всѣхъ, обгіняемыхъ въ томъ или иномъ „препятствованіи“ рекрутской кампаніи, защитѣ отечества и т. под., какъ было, напримеръ, на дняхъ, когда членъ независимой Рабочей Партіи, Бесси была приговорена къ 6 мѣсяцевъ тюрьмы за агитацію противъ войны. Другой способъ лишенія свободы слова — это обструкция. На нежелательныхъ правительству митингахъ являются обычно кучка протестантовъ, по большей части принадлежащихъ къ такъ наз. „*Anti german Union*“, которая при энергичной поддержкѣ солдатъ шумитъ, дерется и срываетъ собраніе. Частое повтореніе подобныхъ сценъ повело къ тому что залы подъ всякаго рода „сомнительные“ митинги перестали сдавать и устроители ихъ оказываются въ безвыходномъ положеніи: или совсѣмъ отказались отъ публичныхъ выступленій, или собираются въ частныхъ домахъ для строго ограниченнаго и извѣстнаго круга лицъ.

Въ общей атмосферѣ политическихъ преслѣдованій, гоненія выпали и на долю русскихъ соціалистовъ, желающихъ вести пропаганду и агитацію не совпадающую съ задачами официальнаго „русско-англійскаго сближенія“.

Нѣкоторымъ подъ угрозой ареста запрещались лекціи и рефераты, а другихъ, какъ напр мѣръ т. Петрова просто интернировали въ административномъ порядкѣ какъ „опаснаго иностранца“ на все время, войны въ Единбургскій Замокъ.

Defence of the Realm act, подъ дѣйствіемъ котораго сейчасъ находится вся страна, покрываетъ собою все и вся. Это по истинѣ универсальный законъ, нѣчто въ родѣ нашего военнаго положенія.

На основаніи его не только производятся обыски, закрытія газетъ, запрещенія собраній (любпытное явленіе) въ свободной Англій начинаеть прибѣгать къ „коspirативнымъ собраніямъ“ и стараются надуть полицію фальшивыми заголовками рѣчей, но и отиѣняется Habeas Corpus, этотъ основной камень англійской конституціи, безъ изданія Парламентомъ спеціального закона, какъ это бывало всегда раньше, а просто въ порядкѣ судебного пресѣдателя. До настоящаго дня заключенію въ тюрьму безъ суда и слѣдствія

и даже безъ предъявленія обвиненія были подвергнуты 68 лицъ въ Англій и 4 въ Шотландіи.

Кульминационнымъ пунктомъ всей этой реакціи является только что введенный *Compulsion act* вошедшій въ силу со 2 марта 1916 г. Восемь мѣсяцевъ передовая Англія вела ожесточенную словесную и газетную войну противъ введенія конскрипціи.

Сторонники обязательной военной службы, знали какъ вести дѣло. Конскрипція давно была для нихъ обѣтованной землей, надо было только умѣть достигнуть ея и они сумѣли.

Осенью 1915 г. воспользовавшись временнымъ паденіемъ числа рекрутовъ, лордъ Нортклиффъ и компанія (издатель *Таймса*) подняли страшный шумъ и стали доказывать, что безъ введенія обязательной военной службы Англія погибла. Ихъ агитація имѣла успѣхъ. Вѣчно колеблющееся правительство уступило и призвало лорда Дерби, извѣстнаго консерватора и конскрипціониста для организаціи „послѣдней“ попытки спасти волонтерскую систему. Попытка была произведена, весь сложный механизмъ парламентской машины и трэдьюнионисгскаго движенія былъ поставленъ на службу рекрутской агитаціи. Тысячи спеціальныхъ агентовъ во всѣхъ концахъ страны пользуясь данными національной регистраціи 15 августъ 1915 г., обходили дома, вели „душевные“ бѣсѣды съ возможными солдатами, и грозили введеніемъ обязательной службы въ случаѣ неудачи комиссіи лорда Дерби.

Въ результатѣ число новыхъ рекрутовъ достигло 3 милліоновъ и съ излишкомъ покрыло требованіе лорда Китченера, заявленное имъ въ октябрѣ. Казалось итоги были болѣе чѣмъ удовлетворительные и конскрипціонеры должны были успокоиться. Но не тутъ то было. Неосторожно сорвавшееся съ устъ премьера обѣщаніе прибѣгнуть къ принудительнымъ мѣрамъ по отношенію къ холостымъ, если „значительное“ число ихъ окажется уклонившимися отъ сѣтей лорда Дерби дало оружіе въ руки сторонникамъ принудительной военной службы. Еще до опубликованія полнаго официальнаго отчета они заявили что 650 тысячъ годныхъ къ военной службѣ неженатыхъ мужчинъ осталось вѣтъ арміи, число по ихъ мнѣнію несомнѣнно „желательное“ и они потребовали отъ Асквита исполненія его обѣщанія. Цифра приведенная ими, была чрезвычайно фантастическая, но правительство опять уступило и въ результатѣ получился *Compulsion act*, вводящій обязательную военную службу пока для холостыхъ.

Вся рабочая масса была противъ билля, всѣ резолюціи на всѣхъ рабочихъ конференціяхъ были противъ и грозилъ активнымъ сопротивленіемъ осуществленію билля. Правительство давало самыя широкія обѣщанія объ исключеніи, говорило объ актѣ, какъ о „мертвой“ бумагѣ служащей только оправданіемъ обѣщанія Асквита. Вожди рабочихъ, узкіе и слѣпые, податливые на сладкія рѣчи министровъ, сумѣли закрыть ротъ периферіи и отвынѣ Англія стала на стезю развитія милитаризма.

Теперь лорду Дерби мало и неженатыхъ. Сейчасъ идетъ рѣчь о сокращеніи тѣхъ отраслей промышленности, которые были объявлены взятыми изъ дѣйствія акта. Страна дала уже 4 милліона солдатъ, т. е. примѣрно столько, сколько можетъ дать любая страна аналогичныхъ размѣровъ съ обязательной военной службой, — все мало, пусть даетъ больше.

Сегодня солдаты нужны на время войны. Завтра они понадобятся для поддержанія престижа среди другихъ державъ, великихъ и малыхъ, на случай новой кровавой бойни. Сегодня войско употребляютъ противъ вѣншнаго врага, завтра имъ будутъ пользоваться для усмиренія „внутренняго,

которому послѣ войны придется вести тяжелую борьбу за свое мѣсто у стола жизни.

Такъ падаютъ одна за другой англійскія вольности, такъ воцаряется и здѣсь континентальный режимъ.

Н. Е.

По пути къ новому Интернационалу

На призывъ Циммервальдской Конференціи откликнулись социалисты почти всѣхъ странъ Европы и далеко за предѣлами ея.

Оговсюду идутъ вѣсти *) о томъ, что революціонное движеніе растетъ, ширится, захватываетъ все большее и большее количество городовъ, областей, государствъ.

Окрѣпла и превратилась въ большую организацию группа юношей-социалистовъ. Она начала свою работу еще до Циммервальдской Конференціи. Молодежь, какъ и женщины-социалистки, первая очулась отъ шовинистическаго угара. Около года тому назадъ конгрессъ молодежи вынесъ ярко-интернационалистическія рѣзолюціи.

Послѣ Циммервальдской конференціи дѣятельность молодежи развивалась еще быстрѣе. Представители юншей объявили Бернской Интернациональной комиссіи, что ихъ союзъ насчитываетъ теперь около 100,000 членовъ въ Швейцаріи, Скандинавскихъ государствахъ, Германіи и друг. государствахъ Европы.

Очень выросла и оппозиція въ Германіи. Она разбивается здѣсь на три течения. Первое, самое умѣренное, составляютъ социалисты группирующіеся вокругъ «20-ти», подписавшихъ извѣстное воззваніе о мирѣ. Эта часть оппозиціи пользуется большимъ вліяніемъ въ Пруссіи и на сѣверѣ Германіи. Ея распространены во многихъ тысячахъ экземпляровъ Циммервальдскій манифестъ, воззваніе и много другихъ листовокъ, призывающихъ къ миру.

Сторонники этого течения организовали демонстраціи въ Берлинѣ передъ Рейхстагомъ. Первая изъ нихъ прошла очень успѣшно: было болѣе 200,000 человекъ.

Вторая вышла пораздо болѣе блѣдной; третья же собрала не болѣе 1,000 манифестантовъ.

Послѣ этого опыта организаторы этихъ демонстрацій рѣшили, что пока еще рано выносить движеніе на улицу, такъ какъ думаютъ, что массы еще недостаточно революціонно настроены. Особенно протестуютъ они противъ совершенно, по ихъ мнѣнію, бесплодныхъ выступленій молодежи и женщинъ. «Юноши должны учиться, а не манифестировать», заявляютъ сторонники «20-ти».

Если революціонное настроеніе еще не назрѣло, оппозиционное уже имѣется на лицо. Всякая критика современнаго правительства и его дѣйствій находитъ поддержку; проповѣдь мира и борьбы съ войной встрѣчаетъ горячее сочувствіе. При этомъ заявляютъ «20-ти» — массы не различаютъ существующихъ трехъ теченій въ оппозиціи: кто бы ни выступилъ съ критикой правительства и проповѣдью мира — пользуется одинаковымъ сочувствіемъ и поддержкой.

По отношенію къ официальному большинству партіи эта часть оппозиціи заняла выжидательную позицію.

Она не хочетъ, чтобы расколъ исходилъ отъ нея. Идея раскола, говорить она, не популярна въ массахъ. Сейчасъ официальное большинство держится, главнымъ образомъ, благодаря поддержкѣ 60 тысячъ «социалистической бюрократіи», служащихъ въ партійныхъ организаціяхъ, которая во всемъ зависитъ отъ нынѣшнихъ патриотическихъ партійныхъ верховъ. Эта масса социалистическаго чиновничества очень часто противъ воли идетъ за вождями.

Какъ только выяснится безсиліе правящихъ круговъ партіи, большая часть служащихъ перейдетъ на сторону оппозиціи.

Окончательная же побѣда нынѣшнему меньшинству обезпечена при первомъ же партійномъ нѣмецкомъ сѣздѣ.

Сѣздъ, однако, не можетъ состояться, по мнѣнію «20-ти», раньше чѣмъ мѣсяца черезъ два послѣ окончанія войны.

Гораздо болѣе радикально второе теченіе въ оппозиціи. Оно группируется вокругъ бывшихъ издателей «Die Internationale». Представители этой группы заявляютъ, что «20-ти» очень ошибаются, если думаютъ, что массы не различаютъ направленій въ оппозиціи. «Насъ массы знаютъ», объявляютъ они. Массы — говорятъ они — знаютъ также и группу «20-ти» и очень неодобрительно относятся къ чисто пацифистской и не социалистической мотивировкѣ ея воззваній.

«Интернационалисты» также во многихъ тысячахъ экземпляровъ распространяютъ прокламаціи противъ войны, брошюру, написанную однимъ изъ сторонниковъ «Internationale». Эта группа придаетъ большое значеніе демонстраціямъ, которыя, по ихъ мнѣнію, способствуютъ революціонному воспитанію массъ. Многія изъ этихъ демонстрацій, говорятъ «Интернационалисты», принимали чисто революціонный характеръ. Бывали даже стычки съ полиціей. Въ Лейпцигѣ, напримѣръ, женщины-демонстрантки отбили у полиціи арестованныхъ ею мѣстныхъ вожаковъ оппозиціи.

Отношеніе къ официальной партіи у «интернационалистовъ» гораздо болѣе рѣзкое. Они стоятъ за немедленный расколъ.

Особымъ вліяніемъ пользуются они въ Рейнскихъ провинціяхъ въ южныхъ и юго-восточныхъ областяхъ Германіи.

Болѣе чѣмъ въ 20 городахъ этихъ частей Германіи рассмотрѣна и принята подавляющимъ большинствомъ социалистическихъ группъ слѣдующая программа-проектъ, предложенная интернационалистами: приводимъ ее въ сокращеніи:

«Мировая война свела на нѣтъ результатъ сорокалѣтней работы Европейскаго социализма, уничтоживъ значеніе революціоннаго рабочаго класса, какъ политически дѣйственной силы; она разрушила пролетарскій Интернациональ, приведя къ взаимному уничтоженію его секціи и пристегнувъ народныя массы къ колесницѣ Интернационализма.

Голосованіемъ военныхъ кредитовъ и провозглашеніемъ гражданскаго мира официальные вожди социалистическихъ партій Германіи, Франціи и Англии (за исключеніемъ Рабочей Партіи) бери на себя отвѣтственность за войну и ея послѣдствія упрочили Имперализмъ, привели народныя массы къ терпѣливому перенесенію нужды и ужасовъ войны, способствовали безпримѣрной разнузданности Импералистическаго разбоя, продленію боины и умноженію ея жертвъ.

Эта тактика официальныхъ инстанцій партіи воюющихъ странъ и, въ первую голову, Германіи, бывшей до сихъ поръ передовой страной Интернационала, означать измѣну первоосновамъ Интернациональнаго Соціализма, жизненнымъ интересамъ рабочаго класса и всѣмъ демократическимъ интересамъ народовъ.

Тѣмъ самымъ была совершенно парализована политика социалистовъ тѣхъ странъ, гдѣ вожди партій остались вѣрны своему долгу: въ Россіи, Сербіи, Италіи и — съ однимъ исключеніемъ — въ Болгаріи.

Остановивъ классовую борьбу, отложивъ ее на время послѣ окончанія войны, официальныя социалистическія партіи передовыхъ странъ дали возможность нажиться господствующимъ классамъ и укрѣпили въ ущербъ пролетариату, ихъ позиціи въ хозяйственномъ, политическомъ и моральномъ отношеніяхъ.

Мировая война не служитъ ни національной защитѣ, ни хозяйственнымъ или политическимъ интересамъ какой-либо народнои массы.

Она порожденіе импералистическаго соревнованія между капиталистами различныхъ странъ, ихъ борьбы за мировое господство и за монополію на эксплуатацію и угнетеніе областей еще не подчиненныхъ капиталу.

Политика импералистическихъ государствъ не можетъ дать свободы и независимости ни одной изъ угнетаемыхъ націй, Маленькія націи, господствующіе классы которыхъ являются соучастниками и пособниками своихъ великодержавныхъ классовыхъ товарищей, играютъ роль лишь шахматныхъ фигуръ въ импералистической игрѣ великихъ державъ и ими пользуются во время войны какъ и народными массами, просто какъ орудіемъ.

Развернувшаяся въ такихъ условіяхъ мировая война, при каждой побѣдѣ, при каждомъ пораженіи, является лишь пораженіемъ социализма и демократіи.

Она питаетъ импералистическія вождѣнія, усиливаетъ внутри-государственную реакцію, ослабляетъ общественный контроль и принижаетъ, парламентъ дѣлая ихъ лишь игрушкой въ рукахъ милитаризма.

Международный миръ не можетъ быть восстановленъ утилитическими или въ основѣ реакціонными планами въ роѣдѣ

*) См. Bulletin № 3 de la Commission Socialiste Internationale à Berne.

международного арбитража капиталистических дипломатов или договоров о «разоружении», «свободы морей» и т. п.

Пролетарская классовая борьба должна быть выдвинута на первый план, как во время мира, так и во время войны.

Конечная цель социализма сможет быть достигнута интернациональным пролетариатом лишь в случае, если он поведет по всей линии борьбу с Империализмом из руководящую нить в своей практической деятельности примет лозунг «война войн», развивая полностью с в и силы и мужественную готовность на жертвы.

Теперь главной задачей социалистов является объединение пролетариата всех стран для жизненной революционной деятельности, путем сильной интернациональной организации — с единством понимания интересов и задач, с единством тактики и политической работы, как в мирное время, так и во время войны — чтобы он стал решающим фактором политической жизни, к чему и призван историей.

Второй Интернационал разрушен войной. Его нежизненность обнаружилась благодаря тому, что он не был в состоянии дать действительный отпор национализму и установить единство тактики и действия пролетариата всех стран.

Далее авторы резолюции настаивают на необходимости организовать новый рабочий интернационал и продолжают: «Нить никакого социализма вне интернационала солидарности, нить социализма вне классовой борьбы».

Социалистический пролетариат не может отказаться как в мирное так и в военное время, ни от классовой борьбы ни от интернациональной солидарности, не совершая самоубийства.

Интернационал в мирное время устанавливает обязательную для национальных секций тактику в вопросах о милитаризме, колониальной и промышленной политике равно как и в вопросе о праздновании 1 го мая, а во время войны выработывает общую тактику противодействия ей или воздержания от нее. Долг проведения в жизнь решений Интернационала идет впереди всех других организационных обязанностей.

Национальные секции, действующая наперекор его решениям тем самым ставят себя вне интернационала.

В борьбе с Империализмом и войной сила решения может исходить лишь от компетентных масс пролетариата.

Главная задача тактики национальных секций — развитие в широких массах политической работоспособности и решительной инициативы, чтобы обеспечить Интернационалу единство выступлений масс, — устойчивость политических и промышленных организаций масс, так что благодаря их вмешательству, во всякое время возможно было бы быстрое и действительное сотрудничество всех секций. Т. о. воля Интернационала перейдет в деятельность широких масс всех стран.

Единственная защита всякой действительной национальной свободы есть теперь классовая борьба с Империализмом. Отечество пролетариев, защита которого должна подчинить себя все прочее есть Соц. Интернационал.

Третья часть немецкой оппозиции состоит из сотрудников журнала „Lichtsrallen“ и их сторонников.

Это — крайние максималисты.

Они (судя по сведениям других социалистов) имеют гораздо меньше влияния. Члены этой группы не могли сами разрядить о себя, Интернациональной Комиссии по независимым от них обстоятельствам; они больше всей остальной оппозиции пострадали от гонений Германского правительства. Их вождем и вдохновителем т. Борхардт недавно арестован.

Ближе всего к группе т. Борхардта стоят Голландские максималисты, об их настроении и характере их деятельности можно судить по воззванию с которым обратились социаль-революционный союз (R. S. Y.) и социаль-демократическая партия Голландии к рабочим всех стран.

Воззвание это подписано Roland-Holst'омъ Wuykoop'омъ. Приводим его с сокращениями:

«Революционная социаль- демократия должна, собрав все силы, безотлагательно начать борьбу во воюющих странах за немедленное восстановление мира, а в нейтральных за немедленную демобилизацию.

При начале борьбы революционная с-демократия предъявит следующим классам следующие требования:

А. Экономическія требования:

1. Уничтожение государственных долгов
2. Секвестр банков
3. Экспроприация крупной промышленности
4. Конфискация военной прибыли
5. Налог лишь на капитал и на прибыль
6. Обезличение пенсий всех мало или совсем не зарабатывающих.

В. Политическія требования:

1. Демократизация всех органов управления
2. Уничтожение первой палаты, Сената и т. п.
3. Республика
4. 8-ми часовый рабочий день
5. Уничтожение таможни
6. Уничтожение современных военных систем

Начинают приходить вести и из России. Недавно получены тезисы, принятые на собрании четырех групп П. С.-Р. в Петроград.

Группы эти присоединяются к Циммервальдскому манифесту и приветствуют работу И. К. по созданию «Нового Интернационала, для реализации его старых задач».

Вот эти «тезисы»

Считая настоящую войну борьбой капиталистической буржуазии Германии, России, Англии и Франции за рынки и мировое господство, признаем: что единственно приемлемыми для нас являются постановления Циммервальдской Конференции, призывающая к борьбе за восстановление

В соответствии с общими условиями, главная задачей дня является организация трудящихся для революционного переворота, ибо только при захвате ими власти, ликвидация войны и всех ее последствий будет проведена в интересах трудовой демократии.

В виду ярко выраженного буржуазно-капиталистического характера настоящей войны мы не только отвергаем классовое перемирие, но и подчеркиваем необходимость усиления классовой борьбы при создавшемся положении. Вместе с тем мы считаем необходимым всемирное стремление к организации объединения с социалистами всех стран для укрѣпления нового Интернационала и для реализации его старых задач.

- 1). Петроградский Городской Комитетъ П. С.-Р.
- 2). Центральная студенческая группа П. С.-Р.
- 3). Инициативная издательская группа П. С.-Р.
- 4). Провинциальная инициативная издательская группа П. С.-Р.

Для укрѣпления международных связей и решения многих возникших в связи с войной вопросов Интернациональная Комиссия, выбранная в Циммервальде поставила, созвать вторую Интернациональную Социалистическую Конференцию в Голландии не позже начала апреля 1916 г.

В этой Конференции ужн выразили согласие принять участие слѣд. партии или их официальные представленные части:

1. С.-Д. Партия Италии.
2. С.-Д. Партия Швейцарии.
3. British Socialist Party.
4. Independent Labour Party.
5. С.-Д. Партия Румынии.
6. С.-Д. Р. П. России, Ц. К.
7. С.-Д. Р. П. России, О. К.
8. П. С.-Р.
9. Бундъ.
10. Три Польскія Партии.
11. С.-Д. Р. П. Болгарии (тѣсники).
12. С. Д. Португалии,
13. Социалистическая Федерация в Салоникахъ.
14. Социалистический Союз Молодежи в Швеции Норвегии.
15. Социалистическая Рабочая Партия Америки.
16. Социалистическая Партия Америки.
17. Немецкая группа Соц. Пар. Америки.
18. Литовская С.-Д. П.
19. Соц. С. Молодежи в Дании.
20. Социалистическая Организация Молодежи в Мадриде.
21. Интернациональная Социалистич. Лига Южн. Африки.

(Окончаніе слѣдуетъ)